

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ
СТАРЫЙ ПОРЯДОК
И РЕВОЛЮЦИЯ

Алексис де Токвиль
Старый порядок и Революция

«Интермедиагор»

1856

УДК 94.44«17»
ББК 63.3(4Фра)

де Токвиль А.

Старый порядок и Революция / А. де Токвиль —
«Интермедиатор», 1856

ISBN 978-5-91603-705-0

Книга Алексиса де Токвиля (1805—1859) «Старый порядок и Революция» (1856) открыла новый период изучения Французской революции. Пытаясь выяснить ее истоки, Токвиль обнаружил, что предшествовавший Революции старый порядок совершенно позабыт и сделался непонятным. И теперь нужно было идти в архивы и восстанавливать образ той Франции. Только так можно объяснить, почему произошла Революция и почему ее ход и результаты оказались такими, а не иными. Тем самым он задал новую научную программу исследований генезиса и характера переворота. Сам же Токвиль выяснил, что французы не так уж резко порвали со своим прошлым, как это им казалось, что из этого прошлого они перенесли в новое свое состояние много прежних идей, привычек, стремлений, что многое, начало чего усматривалось в Революции, зародилось еще в Старом порядке. Автор «Старого порядка и революции» положил начало научному исследованию реальных общественных взаимоотношений, совокупность которых и составляла то, что было обобщено под термином «Старый порядок». «Каждому, кто хочет научно отнестись к истории Революции, надлежит быть знакомым с этим небольшим, но в высшей степени замечательным трудом», — писал известный русский историк Н. И. Кареев.

УДК 94.44«17»
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-5-91603-705-0

© де Токвиль А., 1856
© Интермедиатор, 1856

Содержание

Предисловие к русскому переводу[1]	7
Предисловие автора	9
Книга I	14
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	25
Книга II	27
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексис де Токвиль

Старый порядок и революция

Alexis de TOCQUEVILLE

L'ANCIEN RÉGIME ET LA REVOLUTION

8-е издание, электронное

Электронное издание на основе печатного издания: Старый порядок и Революция / А. де Токвиль; пер. с фр. – 7-е изд. – Москва; Челябинск: Социум, 2019. – 372 с. – ISBN 9785-91603-112-6. – Текст: непосредственный.

© ООО «ИД «Социум», 2019

Предисловие к русскому переводу¹

Книга Токвиля о «Старом порядке и революции» была дважды издана в переводе на русский язык, но эти переводы давно вышли из продажи. А между тем крайне желательно, чтобы названное сочинение не было позабыто русской образованной публикой. Оно занимает видное место среди отборных произведений европейской мысли. Сорок лет прошло со времени его появления, и тем не менее ни одно из его основных положений не устарело, оно является по-прежнему главной оценкой переворота, совершившегося в конце прошлого века. Ученые неустанно работали эти сорок лет над обогащением наших сведений по «Старому порядку и революции», материал получал иногда освещение с иных сторон, чем те, которых коснулся Токвиль, и все-таки его книга является лучшим введением к предмету и лучшим суждением о причинах и направлении революции.

При беглом чтении «Старый порядок» произведет, быть может, не совсем верное впечатление. Может показаться, что автор более литературен, нежели ученый, что его сжатое, изящное, тщательно выработанное и несколько высокопарное изложение опирается скорее на общие соображения, чем на близкое знакомство с фактами: нет ссылок, не видно никакого ученого аппарата, только в прибавлениях находим несколько более специальный разбор некоторых вопросов, да и там автор старается избежать подробностей, сообщает лишь примеры. Но при более внимательном изучении книги читатель поверит автору, что иная короткая глава стоила годовой работы и что всякая книга является результатом «очень большого труда». Специалистам придется сожалеть, что Токвиль, из внимания к художественной форме, не захотел сообщить все свои доказательства, но как раз специальные исследования последних лет лучше всего показывают, как глубоко продуманы и тщательно взвешены его заключения. И если набранный автором способ наложения лишает нас возможности проверить специальные разыскания, зато законченный труд представляет, несмотря на свою историческую тему, образец политического рассуждения; в нем нет ничего лишнего и случайного, весь материал, предлагаемый читателю, использован для установления выводов.

Переворот 1789 года был для Токвиля не просто крупным событием, возбуждающим ученую любознательность, а как бы узлом, в котором сходятся нити прошедшего и современности. От него приходится начинать всякому, кто хочет уразуметь настоящее положение Франции – и не одной Франции. Задачи, имеющие такое значение для современного быта, представляют всегда особые трудности, потому что при разрешении их почти невозможно наблюдать спокойно и рассуждать беспристрастно. По немецкой пословице – никому не дано перепрыгнуть через свою тень, и в книге Токвиля мы найдем не один раз следы его политических взглядов. По происхождению и воспитанию он был аристократ, по характеру и убеждениям – либерал-индивидуалист, и он выбрал темы для своих работ – о демократии в Америке и о происхождении французской Революции – потому, что был глубоко заинтересован не только теорией, но и практикой демократического движения и политической свободы. Но хотя нам и показалось иной раз, что, как аристократ и либерал, он не совсем верно понял то или другое явление, хотя бы в иных случаях его приговор показался слишком строгим или объяснение не вполне достаточным, нельзя не признать, что в общем Токвиль сумел выдержать ответственную роль ученого, т. е. судьи. Он был слишком крупный человек, чтобы гоняться за мелкими партийными прибылями, и слишком идеалист, чтобы на минуту усомниться в силе и пользе истины. И настолько можно говорить об объективности в исторических исследованиях, настолько Токвиль был объективен – не по холодности ума, а по чувству долга.

---

¹ Предисловие написано к первому русскому изданию этой книги в серии «Научно-образовательной библиотеки» (1896 г.). – *Прим. к изд. 1911 г.*

Трудно в такой книге отметить наиболее существенные выводы: внимательный читатель найдет, что каждая страница вызывает размышления. Но, может быть, излишне напомнить самые общие вопросы – как бы отвлеченные категории, – о которых идет речь.

Между «Демократией в Америке» и «Старым порядком», между работой молодости и работой зрелого возраста существует самая тесная связь. В первом сочинении автор рассматривал демократическое движение при наиболее выгодных условиях и пришел к двум главным выводам: политическая свобода вносит необходимую примесь идеализма в демократическую жизнь, которая иначе легко может унизиться до грубого и мелочного себялюбия; лучшей опорой политической свободы в демократиях служат децентрализация и местное самоуправление.

В истории Франции Токвиль изучал обратную сторону медали. Революция, написавшая на своем знамени – «свобода и равенство», скоро отказалась от первого девиза, а второй присвоила себе Наполеоновская империя, т. е. демократическая диктатура. Объяснение нашлось не в ошибках революционеров и не в случайных обстоятельствах война прошлого века, а в том воспитании, которое получил французский народ при Старом порядке. Самые характерные условия современной французской жизни были медленно и прочно выработаны ранее 1789 г., и «переворот» не изменил их, а перенес в новую обстановку. Несмотря на множество привилегий и сословных разделений, французское общество XVIII в. было уже, по сути, уравнено, и оставалось только устранить внешние разгородки, чтобы раскрыть это равенство. Если и раздавались жалобы на королевскую власть, зато народ вполне усвоил взгляд, что обо всех общих делах должно заботиться централизованное правительство, и вопрос о том, в чьих руках будет правительственная власть, оказался вопросом второстепенным. Революция ломала историческую действительность в угоду отвлеченным теориям, но могущество отвлеченных теорий сложилось задолго до революции, в ту эпоху, когда общество отвыкало от всякого участия в политической деятельности.

Павел Виноградов

Предисловие автора

Предлагаемая книга – не история Революции. Эта история была написана слишком блестящим образом, чтобы ее переделывать; моя книга – только этюд об этой Революции.

В 1789 г. французы совершили величайшее из всех, когда-либо сделанных народами усилий, для того чтобы отрезать себя от своего прошедшего и отделить бездной то, чем они были, от того, чем они желали быть впредь. С этой целью они приняли всевозможные предосторожности, чтобы не перенести чего-нибудь из прошлого в свое новое положение; они всячески насильствовали себя, чтобы сделать себя непохожими на своих отцов; словом, они сделали все, чтобы стать неузнаваемыми.

Я всегда был того мнения, что они гораздо менее успели в этой своеобразном предприятии, чем могло казаться со стороны и чем сами они думали первоначально. Я был убежден, что, сами того не зная, они удержали из Старого порядка большую часть чувств, привычек и даже идей, с помощью которых они вели Революцию, разрушившую этот порядок, и что, сами того не желая, они воспользовались его обломками для постройки здания нового общества; так что для того, чтобы хорошо понять и Революцию, и ее творение, мне было необходимо на мгновение забыть Францию, какую мы ее видим теперь, и вызвать из могилы другую Францию – ту, которой уже нет. Это я и попытался сделать в предлагаемой книге; но оказалось, что моя задача труднее, чем я предполагал.

Первые века монархии, Средние века, возрождение были предметом громадных трудов и очень глубоких исследований нас не только с фактами, совершившимися тогда, но и с законами, обычаями, духом правительства и нации в эти различные эпохи. Никто до сих пор не дал себе труда рассмотреть подобным же образом и так же близко XVIII век. Мы воображаем, будто нам очень хорошо знакомо французское общество того времени, потому что ясно видим то, что блистало на его поверхности, потому что подробно знаем историю наиболее знаменитых личностей, живших тогда, и потому что интересные и красноречивые критические работы довершили наше знакомство с творениями великих писателей, украшавших то время. Но что касается способа, каким велись дела, действительной причиной учреждений, действительного взаимного положения классов, что касается положения и чувств тех классов, которых в то время еще не было ни видно, ни слышно, что касается самой сущности мнений и нравов, – обо всем этом мы имеем лишь смутные и часто ошибочные представления.

Я задался мыслью проникнуть в сердце этого Старого порядка, столь близкого к нам по числу лет, но заслоняемого Революцией.

С этой целью я не только перечитал знаменитые сочинения XVIII в.; мне хотелось изучить те многочисленные книги, которые менее известны и менее заслуживают известности, но, будучи неискусно составлены, тем явственней, может быть, обнаруживают действительные инстинкты времени. Я постарался как можно лучше ознакомиться со всеми официальными документами, в которых французы могли, при приближении Революции, высказать свои мнения и вкусы. Протоколы Штатов и впоследствии провинциальных собраний много выяснили мне в этом отношении. Особенно много я извлек из наказов, составленных тремя сословиями в 1789 г. Эти наказания, оригиналы которых образуют длинный ряд рукописных томов, навсегда останутся завещанием старого французского общества, последним выражением его желаний, подлинным заявлением его последней роли. Этот документ – единственный в истории. Но я не удовольствовался им.

В тех странах, где государственная администрация приобрела могущество, появляется мало таких идей, желаний и страданий, встречается мало интересов и страстей, которые раньше или позже не обнажились бы пред нею. Посещая архивы этой администрации, мы не только приобретем очень точное знакомство с ее действиями, – пред нами откроется вся жизнь

страны. Иностранец, которому бы выдали сегодня все конфиденциальные корреспонденции, наполняющие картонные коробки министерства внутренних дел и префектур, скоро знал бы о нас больше, чем знаем мы сами. В XVIII в. государственная администрация была уже, как увидит читатель этой книги, очень централизованна, очень могущественна, необычайно деятельна. Она беспрестанно помогала, препятствовала, дозволяла. Она многое могла обещать и многое дать. Она уже влияла тысячами способов не только на общий ход дел, но и на судьбу семейств и на частную жизнь каждого отдельного лица. Вдобавок она была чужда гласности, вследствие чего люди не боялись открывать ее глазам самые тайные свои затруднения и беды. Я употребил очень много времени на изучение того, что нам осталось от нее частью в Париже, частью в различных провинциях².

При этом, как я и ожидал, Старый порядок предстал предо мной как живой, со всеми своими идеями, страстями, предрассудками и обычаями. Здесь каждый высказывался не стесняясь и открывая свои заветнейшие мысли. Таким образом, я приобрел о старом обществе много сведений, которых не было у современников, потому что у меня перед глазами было то, что никогда не открывалось их взорам.

Подвигаясь вперед в этом исследовании, я удивлялся, встречая на каждом шагу во Франции того времени огромное количество черт, поражающих нас в современной Франции. Я находил множество понятий, которые раньше считал порождением Революции, множество идей, исходящих, как мне казалось, от нее одной; тысячу привычек, которые, по общему мнению, дала нам только она; я повсюду находил корни современного общества глубоко вросшими в эту старую почву. Чем больше я приближался к 1789 году, тем явственнее различал тот дух, под действием которого Революция образовалась, родилась и росла. Мало-помалу перед моими глазами открылась вся физиономия этой Революции. Она уже заявляла свой темперамент, свой гений; это была она сама. Я находил не только основные мотивы того, что ей предстояло сделать при своем первом усилии, но еще более – указания на то, что ей суждено было создать надолго; потому что Революция имела два фазиса, весьма отличных друг от друга: первый, в течение которого французы, казалось, хотели всё уничтожить в своем прошлом, и второй, когда они из прошлого снова берут часть того, что покинули. Есть большое количество законов и привычек Старого порядка, которые таким образом внезапно исчезают в 1789 г. и снова показываются несколько лет спустя, как некоторые реки скрываются под землей, чтобы вновь появиться немного далее и показать те же воды новым берегам.

Непосредственная задача сочинения, которое я предлагаю вниманию публики, состоит в том, чтобы объяснить, почему эта великая Революция, подготовлявшаяся одновременно почти на всей материке Европы, вспыхнула у нас раньше, чем в других местах; почему она как будто сама собой вышла из общества, которое ей предстояло разрушить, и наконец, как могла старая монархия пасть так окончательно и так внезапно.

Но этим я не думаю ограничить предпринятый мной труд. Я намерен, если достанет времени и сил, через все превратности этой длинной Революции проследить тех самых французов, с которыми мы на такой короткой ноге жили при Старом порядке и которых этот Старый порядок вскормил, проследить, как они видоизменяются и преобразуются сообразно событиям, но, однако же, остаются верными своей природе и постоянно вновь появляются перед нами с несколько отличной, но всегда узнаваемой физиономией.

Сначала я мысленно пробежу вместе с ними первоначальную эпоху 89-го года, ту эпоху, когда равенство и свобода одинаково дороги их сердцу; когда они хотят создать не только демо-

---

² Преимущественно я пользовался архивами некоторых больших интендантств, особенно – Турским, который очень полон и относится к очень обширному округу, расположенному в центре Франции и населенному миллионом жителей. – Здесь я считаю долгом выразить признательность молодому и сведущему архивариусу, заведующему этими архивами, г. Гранмезону. – Другие округа и, между прочим, округ Ильде-Франса, показали мне, что подобным же образом дело происходило в большей части королевства.

кратические, но и свободные учреждения; не только разрушить привилегии, но признать и санкционировать права; время молодости, энтузиазма, гордости, великодушных и искренних страстей – время, память о котором, несмотря на все его ошибки, люди сохраняют навсегда и которое еще очень долго будет тревожить сон всех тех, кто захочет подкупить или поработить их.

Быстро проходя по следам этой Революции, я постараюсь показать, какими событиями, какими ошибками и разочарованиями те же французы были приведены к тому, что покинули свою первоначальную цель и, забыв о свободе, пожелали сделаться только равными рабами властителя мира; каким образом затем правительство, более сильное и гораздо более абсолютное, чем то, которое было низвергнуто Революцией, захватывает и сосредоточивает в себе все виды власти, подавляет все вольности, купленные такой дорогой ценой, и ставить на их место пустые призраки, называя верховенством народа голосования избирателей, не имеющих возможности ни сноситься, ни вступать между собой в соглашения, ни выбирать, называя свободным вотированием налога – изъявление согласия со стороны безмолвных или поработанных собраний; и как это правительство, лишая нацию всех средств самоуправления, отнимая у нее основные гарантии права, свободу мысли, слова и печати, т. е. все, что было самого драгоценного и благородного в победах 89-го года, все-таки украшает себя великим именем этой эры.

Я доведу свое исследование до того момента, когда Революция, по моему мнению, приблизительно заканчивает свое дело и дает начало новому обществу. Тогда я приступлю к рассмотрению этого общества; я постараюсь различить, в чем оно похоже на предшествующее и в чем отлично от него, что мы потеряли в этой громадной всеобщей смуте и что выиграли в ней, и наконец, попытаюсь предсказать наше будущее.

Часть этого второго труда набросана вчерне, но еще не достойна быть представленной публике. Суждено ли мне ее окончить? Кто может это сказать? Судьба отдельных лиц еще гораздо темнее судьбы народов.

Я надеюсь, что настоящая книга написана без предрассудков, но не буду утверждать, что она написана беспристрастно. И едва ли позволительно французу ничего не чувствовать, когда он говорит о своей стране и думает о своем времени. Итак, я сознаюсь, что, изучая наше старое общество во всех его частях, я никогда вполне не терял из виду современного общества. Я желал уяснить себе не только недуг, от которого погиб больной, но и те условия, при которых он мог избежать смерти. Я поступал подобно тем медикам, которые в каждом погибшем органе стараются уловить законы жизни. Моей целью было нарисовать такую картину, которая была бы строго точна и в то же время могла бы сделаться поучительной. И вот каждый раз, когда я встречал у наших отцов какую-нибудь из тех черт доблести, которые нам всего необходимее и которых у нас теперь почти вовсе нет, – например истинный дух независимости, любовь ко всему великому, веру в себя и в дело, – я их подчеркивал; и точно так же, встречая в идеях, в законах, в правах того времени следы тех пороков, которые, погубив старое общество, разъедают нас и теперь, я старался ярче осветить их, для того, чтобы, видя ясно зло, уже причиненное нам, мы лучше могли понять тот вред, который они все еще могут нам принести.

Я сознаюсь, что меня не останавливала боязнь оскорбить то или другое лицо или класс общества, те или другие мнения или воспоминания, как бы они ни были почтенны, если это оказывалось необходимым для выполнения моей задачи. Я делал это часто с сожалением, но всегда без угрызений совести. Пусть те, кому я таким образом мог быть неприятен, извинят меня ввиду той бескорыстной и честной цели, к которой я стремлюсь.

Многие, может быть, обвинят меня в том, что я в этой книге высказываю совершенно несвоевременную любовь к свободе, до которой, как меня уверяют, никому теперь нет дела во Франции.

Я только попрошу тех, кто предъявит мне этот упрек, принять во внимание, что такая склонность существует у меня очень давно. Более двадцати лет тому назад, говоря о другом обществе, я писал почти дословно то же, что читатель найдет в этой книге.

В сумраке будущего можно уже открыть три очень ясные истины. Первая из них – та, что все современные люди увлечены какой-то неведомой силой, которую можно надеяться урегулировать и замедлить, но не победить и которая то медленно толкает, то с силой мчит их к уничтожению аристократии; вторая – та, что из всех обществ в мире всего труднее будет надолго избежать абсолютного правительства тем, в которых аристократии уже нет и не будет; наконец, третья истина состоит в том, что нигде деспотизм не ведет к более гибельным последствиям, чем в таких именно обществах, потому что в них он больше, чем всякий другой род правительства, способствует развитию всех пороков, которым эти общества специально подвержены, и таким образом толкает их в ту самую сторону, куда, следуя природному влечению, они уже склонялись.

В них люди, уже не связанные друг с другом ни кастой, ни сословием, ни корпорацией, ни родом, слишком склонны заботиться только о своих частных интересах и, всегда занятые только собой, погрязают в узком индивидуализме, который заглушает всякую общественную добродетель. Деспотизм не только не противодействует этой склонности, но делает ее непобедимой, потому что он отнимает у граждан всякую общую им страсть, всякую надобность друг в друге, всякую необходимость взаимного понимания, всякий повод к совместной деятельности; он, так сказать, закупоривает их в частной жизни. Они уже стремились разделить: он совершенно разобщает их; они начали охладевать друг к другу: он их обращает в лед.

В обществах демократических, где нет ничего прочного, каждый ежеминутно терзается страхом быть оттесненным вниз и страстным желанием подняться повыше; и так как деньги, став главным признаком, разъединяющим людей и отличающим их друг от друга, в то же время приобрели необычайную подвижность, беспрестанно переходят из рук в руки, преобразуют общественное положение людей, возвышая или принижая семьи, – в таких обществах не существует почти никого, кто не был бы вынужден делать отчаянные и постоянные усилия с целью сберечь или приобрести деньги. Таким образом, желание богатства во что бы то ни стало, искание прибыльных афер, страсть к барышу, погоня за благосостоянием и материальными наслаждениями являются в таких обществах самыми обычными страстями. Здесь эти страсти свободно распространяются во всех классах, проникая даже в те из них, которым они раньше были наиболее чужды, и, если предоставить им волю, в короткое время могли бы совершенно расслабить и развратить нацию; природе же деспотизма свойственно содействовать их развитию и распространению. Эти расслабляющие страсти служат ему пособницами; они отвлекают внимание и занимают воображение людей вдали от общественных дел и заставляют их дрожать при одной мысли о революции. Один деспотизм может доставить им убежище и мрак, дающие простор алчности и позволяющие наживать бесчестные барыши, не огорчаясь бесчестьем. При отсутствии деспотизма эти страсти были бы сильны; под его сенью они господствуют.

Одна свобода может в таких обществах успешно бороться со свойственными им пороками и удержать эти общества на наклонной плоскости, по которой они скользят. И в самом деле, она одна может извлечь граждан из того состояния изолированности, в котором удерживает их самая материальная обеспеченность, и заставить их приблизиться друг к другу, она согреет их душу и ежедневно будет их соединять необходимостью понять, убедить друг друга и нравиться друг другу при выполнении общего дела. Она одна способна оторвать их от денежного культа и от мелкой будничной суеты частных дел, чтобы заставить их ежеминутно чувствовать свою связь с отечеством; она одна от времени до времени на место погони за материальной обеспеченностью ставит более энергичные и возвышенные стремления, доставляет честолюбию более значительные цели, чем приобретение богатств, и творит свет, дающий возможность видеть и судить пороки и добродетели людей.

Демократические общества, лишенные свободы, могут отличаться богатством, изысканностью, блеском, даже великолепием, могут быть сильны весом своей однородной массы; в них можно встретить качества, украшающие частную жизнь, – можно встретить хороших отцов семейства, честных торговцев и весьма почтенных собственников; мы найдем в них даже добрых христиан, потому что отчизна христиан – не от мира сего, и христианство славно тем, что порождало истинно религиозных людей среди величайшей испорченности нравов и при самых худших правительствах: Римская империя, в эпоху своего крайнего упадка, была полна ими. Но в среде подобных обществ, – говорю смело, – никогда не окажется великих граждан и тем менее великого народа, и я не боюсь утверждать, что общий уровень сердец и умов никогда не перестанет понижаться, пока равенство и деспотизм будут соединены в них.

Вот что я думал и говорил двадцать лет тому назад. Признаюсь, с тех пор ничего не случилось в мире такого, что заставляло бы меня думать и говорить иначе.

Так как свое хорошее мнение о свободе я высказывал, когда она была в милости, – надеюсь, не покажется предосудительным, что я упорствую в этом мнении теперь, когда свободу отвергают.

Притом следует принять во внимание, что даже в этом отношении я меньше расхожусь с большинством своих противников, чем сами они, может быть, предполагают. Где тот человек, который от природы был бы так низок душой, что, считая нацию способной сделать хорошее употребление из своей свободы, предпочтет зависеть от чужого усмотрения и каприза, а не следовать законам, в установлении которых он сам принимал бы участие? Я думаю, что такого человека не существует. Сами деспоты не отрицают того, что свобода прекрасна; только они желают ее для себя одних и уверяют, что все остальные люди совершенно недостойны ее. Следовательно, предмет разногласия заключается не в том, какого мнения надо быть о свободе, а в более или менее высокой оценке людей; и можно с полным правом сказать, что расположение, обнаруживаемое к абсолютному правительству, находится в точном соответствии с презрением, испытываемым к родной стране. Я попрошу позволения повременить еще немного, прежде чем проникнуть сознанием законности этого чувства.

Я могу, кажется, сказать без похвальбы, что книга, которую я предлагаю в настоящую минуту читателям, представляет результат большого труда. Найдутся в ней коротенькие главы, которые стоили мне по году изысканий и больше. Я мог бы наводнить примечаниями нижнюю половину моих страниц, но я предпочел привести лишь немногие и поместить их в конце тома с указанием страниц текста, к которым они относятся. В них читатель найдет примеры и доказательства. Я не откажусь представить их в большом количестве, если эта книга покажется кому-нибудь стоящей того, чтобы их потребовать.

Книга I

Глава 1

Противоречивые суждения, произнесенные о Революции при ее возникновении

Ничто с таким успехом не может напомнить о скромности философам и государственным людям, как история нашей Революции, потому что никогда не бывало событий более крупных, так долго созревавших, лучше подготовленных и менее предвиденных.

Сам Фридрих Великий, несмотря на свой гений, ее не предчувствует. Он соприкасается с Революцией и не видит ее. Мало того, он заранее действует в ее духе; он – ее предвестник и уже, так сказать, ее агент, но он ее совершенно не узнает при ее приближении; и когда Революция, наконец, показывается, новые и необыкновенные черты, которым предстоит отметить ее физиономию среди бесчисленного множества других революций, первоначально ускользают от его взгляда.

Извне она является предметом внимания для всего мира; повсюду она зарождает в уме народов какую-то неясную догадку, что готовятся новые времена, смутные чаяния перемен и реформ; но никто еще и не подозревает того, чем она должна быть. У государей и их министров нет даже того смутного предчувствия, которое волнует народы при виде ее. Они видят в ней первоначально не больше, как одну из тех периодических болезней, которым подвержен государственный строй каждого народа и единственное последствие которых состоит в том, что они открывают новые поприща политике соседей. Если государственным людям случалось обмолвиться правдой о ней, они сами не знали, что говорят правду. Хотя главные государи Германии, собравшись в Пильнице в 1791 г., объявляют, что опасность, угрожающая королевской власти во Франции, обща всем старым правительствам Европы и что все принимают на свой счет угрозы, сделанные ею, но, в сущности, ничему этому не верят. Секретные документы того времени показывают, что для этих людей то были только искусно придуманные предлоги, которыми они прикрывали свои намерения в глазах толпы.

В душе они твердо уверены, что французская Революция – местная и преходящая случайность, которой нужно только уметь воспользоваться с выгодой для себя. С этой целью они составляют планы, делают приготовления, заключают тайные союзы; они спорят между собой ввиду близкой добычи; расходятся и сближаются, приготавливаются почти ко всему, за исключением того, что в действительности должно произойти.

Англичане, которым память о собственной истории и долговременное пользование политической свободой сообщают больше понимания и опытности, различают, точно сквозь густую завесу, приближающийся образ великой Революции; но они не могут разглядеть ее очертаний и не предвидят того действия, которое ей вскоре предстоит оказать на судьбы мира и на их собственную судьбу. Артур Юнг, совершивший путешествие по Франции в момент, предшествовавший взрыву Революции, и не сомневающийся в ее близости, так мало догадывается о размерах ее действия, что ему приходит в голову вопрос: не приведет ли она в результате к усилению привилегий. «Что касается дворянства и духовенства, – говорит он, – то если бы эта Революция еще усилила их преобладание, я думаю, что она принесла бы больше вреда, чем пользы».

Проницательность Бёрка обострялась ненавистью, которую Революция внушала ему с самого своего зарождения, – но даже Бёрк некоторое время остается в нерешительности при виде ее. Первое, что он предсказывает о ней, это что Франция будет ею обессилена и как бы

уничтожена. «Надо думать, – говорит он, – что надолго военные способности Франции угасли; возможно даже, что они угасли навсегда и что люди последующего поколения будут вправе повторить древнее изречение: *Gallos quoque in bellis floruisse audivimus*. (Мы слышали, что и галлы блистали некогда военными доблестями).

На близком расстоянии от события о нем судят не лучше, чем издали. Во Франции накануне того дня, когда вспыхнула Революция, никто еще в точности не догадывался о том, что ей предстояло совершить. Среди множества наказов я нахожу только два, в которых обнаруживается некоторый страх перед народом. В других высказывается боязнь, что королевская власть, Двор, как его еще продолжают называть, сохранит свое преобладание. Слабость и кратковременность Генеральных Штатов возбуждают беспокойство. Существуют опасения, что над ними совершат насилие. Особенно боится этого дворянство. «Швейцарские войска, – читаем мы во многих наказах, – должны присягнуть, что никогда не поднимут оружия против граждан, даже в случае мятежа или возмущения». Пусть Генеральные Штаты будут свободны – и все злоупотребления без труда будут уничтожены; предстоящая реформа громадна, но совершить ее легко.

Между тем Революция растет: по мере того как приподнимается голова чудовища и его странная и грозная физиономия становится видна; по мере того как Революция, уничтожив политические учреждения, принимается за разрушение гражданского порядка, вслед за законами переделывает нравы, обычаи и даже язык; когда, разрушив правительственный механизм, она колеблет основания общества и, по-видимому, готова, наконец, приняться за Самого Бога; когда спустя короткое время та же Революция разливается за пределы Франции, неся с собой свои никогда невиданные приемы, новую тактику, человекоубийственные принципы, свои по выражению Питта, «вооруженные» мнения, с неслыханной силой разбивая заставы империй, сокрушая короны, попирая народы и – странное дело! – в то же время располагая их в свою пользу, – по мере того как все это происходит, точка зрения изменяется. То, что прежде казалось государством и государственным людям Европы обыкновенной случайностью в жизни народов, является теперь фактом таким новым, так резко противоречащим всему, что раньше совершалось в мире, и в то же время таким всеобщим, чудовищным и непостижимым, что при виде его человеческая мысль останавливается в смущении. Одни думают, что эта неведомая сила, которую ничто, по-видимому, не питает и ничто не ослабляет, которая ничем не может быть оставлена извне и сама не может остановиться, доведет человеческие общества до полного и конечного распада. Многие считают ее видимым действием дьявола на земле. «Французская Революция имеет сатанический характер», – говорит г. де Местр в 1797 г. Другие, наоборот, открывают в ней благодетельное предназначение Бога, вознамерившегося обновить не только лицо Франции, но и лицо мира, и создать, в известном отношении, новое человечество. У многих писателей того времени высказывается нечто вроде того религиозного ужаса, который испытывал Сальвиан при виде варваров.

Бёрк, возвращаясь в своей мысли, восклицает: «Лишенная своего старинного правительства или, вернее, всякого правительства, Франция, казалось, скорее должна была сделаться предметом поношения и жалости, чем бичом и страшилищем человеческого рода. Но из могилы этой злодейски умерщвленной монархии вышло уродливое огромное существо, самое ужасное из всех, когда-либо угнетавших и покоривших воображение людей. Это отвратительное и странное существо идет прямо к своей цели, не страшась ни гибели, ни угрызений совести; презирая все общепринятые правила и обыкновенные средства, оно поражает всех тех, кто не может даже понять, каким образом оно существует».

Действительно ли это событие так необычайно, как оно казалось некогда современникам? Действительно ли оно было таким разрушительным и обновляющим, как они предполагали? Каков был истинный смысл, истинный характер, каковы прочные результаты этой странной и грозной Революции? Что именно она разрушила? Что создала?

Мне кажется, что наступило время исследовать и разрешить эти вопросы и что мы теперь находимся на той именно точке, с которой можно наилучшим образом видеть этот важный предмет и судить о нем. Мы достаточно удалены от Революции, чтобы лишь в слабой степени ощущать те страсти, которые волновали людей, участвовавших в ней, но мы еще настолько близки к ней, что можем представить себе и понять породивший ее дух. Скоро уже будет трудно сделать это, потому что великие революции, увенчавшись успехом и заставив исчезнуть причины, породившие их, становятся, таким образом, непонятными именно благодаря своим успехам.

Глава 2

О том, что основной и конечной целью Революции не были, как это думали, разрушение религиозной и обессиление политической власти

Одним из первых действий Революции было нападение на церковь, и среди страстей, порожденных этой Революцией, раньше всех зажглась и последней была погашена страсть противорелигиозная. Даже в то время, когда энтузиазм к свободе охладел, когда Франция решилась купить спокойствие ценой рабства, еще не утихло возбуждение против религиозного авторитета. Наполеон, успевший победить либеральный гений французской Революции, делал напрасные усилия, чтобы укротить ее антихристианский гений, и даже в наше время мы видели людей, которые свое подобострастие перед ничтожнейшими агентами политической власти думали заглаживать дерзкими выходками против Бога и, отвергая все свободолобивое, благородное и гордое в доктринах Революции, еще хвалились своей верностью ее духу, потому что оставались неверующими.

А между тем в настоящее время нетрудно убедиться, что поход против религий был только эпизодом в этой великой Революции, резко выступающей, но изменчивой чертой ее физиономии, временным порождением идей, страстей, частных фактов, ей предшествовавших и подготовлявших ее, но не продуктом ее собственного гения.

Философия XVIII в. с полным основанием считается одной из главных причин Революции, и весьма справедливо, что философия эта была проникнута безверием. Но в ней необходимо тщательно различать две совершенно разнородные и независимые части.

В одной из них содержатся все новые или возобновленные мнения, относящиеся к положению обществ и к принципам гражданских и политических законов, каковы, например, естественное равенство людей, отмена всех привилегий, каст, классов, а следовательно, и профессий, верховенство народа, всемогущество общественной власти, единообразие законов. Все эти доктрины – не только причины французской Революции: они образуют, можно сказать, ее сущность, они – самое основное, долговечное и, по условиям времени, истинное из ее созданий.

В другой части своих доктрин философы XVIII в. принялись с какой-то яростью за церковь; они нападали на духовенство, иерархию, догматы и, чтобы окончательно ниспровергнуть церковь, задумали с корнем вырвать самое христианство. Но этот отдел философии XVIII в., получив начало в тех самых фактах, которые были разрушаемы Революцией, должен был мало-помалу исчезнуть вместе с ними и оказаться как бы погребенным в ее триумфе. Чтобы сделать понятной эту мысль, я прибавлю еще несколько слов, потому что намерен в другом месте возвратиться к этому важному предмету: христианство зажгло эту страстную ненависть к себе не столько в качестве религиозной доктрины, сколько в качестве политического учреждения; не потому, что священники изъявляли притязание распоряжаться делами того света, а потому, что они были собственниками, господами, администраторами, получали десятину в этом мире; не потому, что церковь не могла бы занять места в новом обществе, которое предстояло построить, а потому, что она занимала наиболее могущественное и привилегированное положение в том старом обществе, которое надлежало обратить в прах.

Посмотрите, как выяснило время эту истину и продолжает делать ее все более очевидной с каждым днем: по мере того как упрочивалось политическое дело Революции, ее противорелигиозное дело распадалось; в то самое время, когда все старые политические учреждения, подвергнувшиеся ее нападению, все более разрушались; когда силы, влияния, классы, особенно ненавистные ей, были побеждены бесповоротно и, в знак их окончательного поражения, улег-

лись даже ненависть, внушаемая ими; когда, наконец, духовенство стало сторониться всего, что пало вместе с ним, могущество церкви начало постепенно восстанавливаться и упрочиваться в умах.

И не думайте, что этот процесс пережила одна Франция: в Европе не существует такой церкви, которая не возродилась бы со времен французской Революции.

Предполагать, что демократические общества по своей природе враждебны религии, значит сильно ошибаться: ничто в христианстве, ничто даже в католичестве не стоит в безусловном противоречии с духом таких обществ, а многое даже в значительной степени благоприятствует ему. К тому же опыт всех веков показывает, что наиболее жизненный нерв религиозного инстинкта всегда коренился в сердце народа. Все исчезнувшие религии находили в нем свое последнее убежище, и было бы очень странно, если бы учреждения, стремящиеся доставить преобладание идеям и стремлениям народа, имели своим необходимым и постоянным последствием приведение человеческого ума к безбожию.

Все, что я только что сказал о религиозной власти, я с еще большим правом могу повторить в применении к власти общественной.

При виде того, как Революция сразу ниспровергла все учреждения и обычаи, поддерживавшие в обществе иерархию и порядок, можно было думать, что результатом ее будет разрушение не только данного, но и всякого общественного строя; не только известного правительства, но и самой общественной власти; и необходимо было заключить, что природа ее – существенно анархическая. И при всем том я осмеливаюсь утверждать, что все это только казалось.

Менее чем через год после того, как Революция началась, Мирабо секретно написал королю: «Сравните новое положение дел с прежним порядком; вот откуда можно почерпнуть утешение и надежду. Часть актов Национального Собрания, – и часть наиболее значительная, – очевидно, благоприятна монархическому правлению. Разве пустяки – освободиться от парламента, от Штатов, от духовной корпорации, дворянства, привилегированных лиц? Мысль – из всех граждан создать один класс – понравилась бы Ришелье: такая ровная поверхность облегчает дело управления. Целый ряд царствований при абсолютно монархическом строе не делал бы так много для королевского авторитета, как один этот год Революции». Так говорить мог только человек, понимавший Революцию и способный руководить ею.

Имея целью не только переменить старое правительство, но и уничтожить старую форму общества, французская Революция должна была одновременно сделать нападение на все установленные власти, разрушить все общепризнанные влияния, уничтожить традиции, обновить нравы и обычаи и очистить человеческий ум от всех идей, на которых до той поры покоились уважение и повиновение. Отсюда – ее своеобразно анархический характер.

Но удалите эти обломки: вы замечаете громадную центральную власть, собравшую воедино и присвоившую себе все частицы авторитета и влияния, которые раньше были разбросаны в массе второстепенных властей, сословий, классов, профессий, семейств и индивидуумов и как бы рассеяны по всему социальному организму. Мир не видел подобной власти со времен падения Римской империи. Революция создала эту новую власть или, вернее, последняя как бы сама собой вышла из развалин, нагроможденных Революцией. Правительства, созданные ею, более хрупки, это правда; но они во сто раз могущественнее всех тех правительств, которые были низвергнуты ею; они хрупки и могущественны вследствие одних и тех же причин, как будет показано в другом месте.

Именно эту простую, правильную и величественную форму и различал Мирабо сквозь обломки полуразрушенных старых учреждений. Этот предмет, несмотря на свои размеры, в то время был еще невидим для глаз толпы; но мало-помалу время открыло его взорам всех. В настоящее время к нему прикованы в особенности взгляды государей. Его созерцают с восхищением и завистью не только те из них, которые своими тронами обязаны Революции, но даже

те, которые наиболее чужды и враждебны ей. Все они усиливаются в своих владениях разрушить иммунитеты, уничтожить привилегии. Они перемешивают чины, уравнивают звания, на место аристократии ставят чиновников, на место областных вольностей – единообразие законов, на место разнородных властей – единство правительства. Этой революционной работе они предаются с неослабевающим рвением и, встречая препятствия на своем пути, подчас заимствуют у Революции ее приемы и принципы. В случае нужды они иногда не затруднялись поднять бедного на богатого, разночинца – против дворянина, поселян – против своих господ. Французская Революция была в одно и то же время их бичом и их наставницей.

Глава 3

Каким образом и почему французская Революция, будучи революцией политической, в своих приемах походила на религиозную

Все революции, – как гражданские, так и политические, – имели свое отечество и замыкались в нем. У французской Революции не было определенной территории; мало того, одним из ее результатов в известном смысле было то, что она стерла на карте все старые границы. Она сближала или разъединяла людей наперекор законам, преданиям, характерам и языку, иногда поселяя вражду между гражданами одного государства, а разноплеменников делая братьями; или, вернее, над всеми отдельными национальностями она создала общее интеллектуальное отечество, гражданами которого могли сделаться люди всех наций.

Переройте летописи всех народов, – вы не найдете ни одной политической революции, которая имела бы подобный характер: этот характер вы встретите только у некоторых религиозных революций. И потому аналогии, объясняющие смысл Революции французской, следует искать в религиозных революциях.

Шиллер в своей «Истории Тридцатилетней войны» справедливо замечает, что великая реформа XVI в. внезапно сблизила народы, едва знавшие друг друга, и тесно связала их новыми симпатиями. Действительно, в те времена французы дрались с французами, а англичане приходили к ним на помощь; люди, родившиеся на отдаленных берегах Балтийского моря, пробирались в глубину Германии, чтобы там поддержать немцев, о которых они ранее никогда не слыхали. Все внешние войны приняли некоторые черты междоусобных войн; во всех междоусобных войнах стали появляться иностранцы. Старинные интересы каждой нации были забыты ради интересов новых; территориальные вопросы уступили место вопросам о принципах. Все правила дипломатии оказались смешанными и перепутанными, к великому изумлению и огорчению политиков того времени. Совершенно то же самое произошло в Европе после 1789 г.

Итак, французская Революция является политической революцией, употреблявшей приемы и, в известном отношении, принявшей вид революции религиозной. Посмотрите, какие частные и характерные черты довершают ее сходство с религиозными революциями: она не только, подобно им, проникает на далекие расстояния, но, подобно им же, она распространяется посредством проповеди и пропаганды. Политическая революция, внушающая прозелитизм, проповедуемая иностранцам с такой же страстностью, с какой она выполняется дома, – это ли не новое зрелище! Из всех невиданных явлений, показанных миру французской Революцией, это явление, несомненно, самое новое. Но сделаем еще шаг и постараемся открыть, не вытекает ли это сходство результатов из какого-либо сходства, скрытого в причинах.

Обычное свойство религий состоит в том, что они рассматривают человека самого в себе, не останавливаясь на тех особенностях, которые могли быть присоединены к этой общей основе законами, обычаями и преданиями каждой страны. Главная цель религий – определить общие отношения людей к Богу, общие права и обязанности людей друг к другу, независимо от общественных форм. Указываемые ими правила поведения относятся не столько к человеку известной страны или эпохи, сколько к сыну, к отцу, к слуге, к господину, к ближнему. Опираясь, таким образом, на самую природу человека, они одинаково могут быть приняты всеми и повсюду могут быть применены. Вот почему религиозные революции часто имели такие обширные арены и редко замыкались, подобно политическим революциям, в территории одного только народа или даже одной расы. И если мы рассмотрим этот предмет еще ближе,

мы найдем, что чем более отличались религии указанными мною чертами отвлеченности и общности, тем шире они распространялись, вопреки различию законов, климатов и людей.

Языческие религии древности, все более или менее связанные с политическими учреждениями или с общественным строем каждого народа и в самых догматах своих сохранившие известную национальную и часто даже муниципальную окраску, замыкались обыкновенно в границах определенной территории, за пределы которой не выступали почти никогда. Они порождали иногда нетерпимость и гонения; но прозелитизм был им почти совершенно чужд. Вот почему у нас на Западе не было значительных религиозных революций до появления христианства. Это последнее, свободно проходя через все преграды, задерживавшие распространение языческих религий, в короткое время покорило себе большую часть человеческого рода. Я думаю, что не нарушу уважения, должного этой святой религии, если скажу, что своим торжеством она отчасти была обязана освобождению от всего, что могло быть исключительной особенностью известного народа, известной формы правления, известного общественного строя, известной эпохи или расы.

Французская Революция, в отношении к этому миру, поступала совершенно так, как религиозные революции действуют в виду иного мира: гражданина она рассматривала отвлеченно, вне всякого определенного общества, так же как религии рассматривают человека вообще, независимо от страны и от времени. Она отыскивала не только то, что составляло, в частности, право французского гражданина, но также общие права и обязанности людей в области политики.

Таким образом, восходя к все менее частным и, так сказать, более ответственным началам в области общественного строя и управления, она могла стать понятной для всех и доступной подражанию во множестве мест.

Стремясь, как казалось, еще более к возрождению человечества, чем к преобразованию Франции, она зажгла страсти, каких ранее никогда не вызывали наиболее сильные политические революции. Она вдохновляла прозелитизм и породила пропаганду. Благодаря тому же обстоятельству, наконец, она могла принять ту внешность религиозной революции, которая наводила такой ужас на современников, или, вернее, она сама сделалась чем-то вроде новой религии, – религии, правда, несовершенной, не знавшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но которая тем не менее, подобно исламу, наводнила всю землю своими солдатами, апостолами и мучениками.

Впрочем, не следует думать, что употребленные ею приемы безусловно не имели себе примеров в прошлом и что все идеи, выведенные ею на свет, были совершенно новы. Во все времена, не исключая даже и Средних веков, существовали агитаторы, которые, с целью изменения тех или других обычаев, обращались к общим законам человеческих обществ, противопоставляя государственному устройству своей страны естественные права человечества. Но все эти попытки оканчивались неудачей: то же самое пламя, которое в XVIII в. зажгло всю Европу, легко было потушено в XV в. Для того чтобы подобные аргументы могли приводить к действительным переворотам, необходимо, чтобы известные перемены, уже наступившие в условиях жизни, обычаях и нравах, приготовили человеческий ум к их восприятию.

Бывают эпохи, когда люди до такой степени различны между собой, что идея одного и того же закона, применимого ко всем, для них как бы непостижима. Существуют и другие эпохи, когда достаточно издали и в смутных чертах показать людям образ такого закона, чтобы они тотчас же его признали и устремились к нему.

Всего необычайнее не то, что французская Революция употребляла свойственные ей приемы и создала свои идеи: великая новость – что столько народов оказались в таком положении, что подобные приемы могли быть применены с успехом и что такие принципы были допущены.

Глава 4

Как почти вся Европа имела совершенно одинаковые учреждения и как эти учреждения повсеместно пали

Народы, которые ниспровергли Римскую империю и затем привели к созданию современных наций, принадлежали разным расам и странам и говорили на разных языках; они были схожи только варварством. Расположившись на почве империи, они долгое время сталкивались между собой среди громадной смуты и неурядицы, и когда, наконец, они прочно осели, оказалось, что их разобщают те самые развалины, которые ими же были нагромождены. Так как цивилизация в то время почти совершенно угасла и общественный порядок был разрушен, то взаимные сношения людей стали затруднительны и полны опасностей, и великое европейское общество раздробилось на тысячи разнородных и враждебных маленьких обществ, живших каждое особенно от других. И однако же среди всей этой несвязной массы внезапно появились однообразные порядки.

Эти учреждения вовсе не были подражанием римскому законодательству: они настолько противоположны последнему, что именно римское право¹ послужило средством для их преобразования и отмены. Их физиономия своеобразна и отличает их от всех законов, когда-либо созданных людьми. Они симметрично соответствуют друг другу и все вместе образуют тело, состоящее из частиц, так тесно связанных между собой, что статьи наших современных законодательств не соединены прочнее: это ученый кодекс, служащий полуневежественному обществу.

Каким образом подобное законодательство могло возникнуть, распространиться и, наконец, сделаться господствующим в Европе? В мою задачу не входит исследование этого вопроса. Достоверно то, что в Средние века оно встречается в Европе почти повсеместно и что во многих странах ему принадлежит исключительное господство.

Я имел случай ознакомиться со средневековыми учреждениями Франции, Англии и Германии и, подвигаясь вперед в этой работе, все более изумлялся при виде поразительного сходства, обнаруживающегося между всеми этими законодательствами, и удивлялся тому, как могли народы, настолько различные и так мало смешавшиеся между собой, установить в своей среде до такой степени схожие законы. Конечно, эти законы непрерывно и почти до бесконечности изменяются в частностях, соответственно различию мест; но их основа везде одна и та же. Когда я открывал в старом германском законодательстве какое-либо политическое учреждение, какую-либо юридическую норму или власть, я знал заранее, что, поискав тщательно, найду во Франции, в Англии что-либо существенно однородное, и действительно всегда находил. Каждый из этих трех народов помогал мне лучше понять оба остальные.

У всех трех управление ведется на одинаковых началах, политические собрания состоят из одинаковых элементов и снабжены одинаковыми полномочиями. Общество в них делится одинаковым образом, и одна и та же иерархия обнаруживается между различными классами; дворянство занимает в них тождественное положение; оно имеет однородные привилегии, одну и ту же физиономию, один и тот же характер; это не различные люди, а совершенно одни и те же люди повсюду.

Города имеют однородное устройство; села управляются одинаковым образом. В положении крестьян мало различий; владение, пользование землей, обработка земли – одинаковы; земледелец несет одни и те же повинности. От границ Польши и до Ирландского моря поместье, вотчинный суд, лен, оброк, повинности, феодальные права, корпорации – все однородно. Часто даже названия одни и те же, и, что еще замечательнее, все эти аналогичные учреждения проникнуты одним и тем же духом. Я считаю возможным утверждать, что в XIV в. между

общественными, политическими, административными, судебными, экономическими и учебными учреждениями Европы существовало, может быть, больше сходства, чем даже в наше время, когда цивилизация, по-видимому, везде проторила дороги и стерла все преграды.

В мою задачу не входит рассказывать о том, как этот старинный строй² Европы малопомалу ослабел и распался; для меня достаточно констатировать, что в XVIII в. он повсюду был наполовину разрушен. Это распадение, в общем, было менее заметно на востоке материка, чем на западе; но ветхость и часто полная дряхлость обнаруживались повсеместно. Этот постепенный упадок учреждений, составляющих особенность Средних веков, оставил след в их архивах. Известно, что в каждом поместье существовали записи, называемые *поземельными списками (terriers)*, в которых из века в век отмечались границы ленов и оброчных земель, размер оброка, повинностей и местных обычных сборов. Я видел подобные записи, относящиеся к XIV в.; они представляют собой образец порядка, ясности, отчетливости и понимания. Они становятся темными, бессвязными, неполными и запутанными, по мере приближения к нашему времени, несмотря на общий прогресс просвещения. Политическое общество, по-видимому, впадает в варварство в то самое время, когда гражданское общество все более просвещается.

Даже в Германии, где старинный строй Европы лучше, чем во Франции, сохранил свои первоначальные черты, часть учреждений, созданных им, почти повсеместно была уже разрушена. Но знакомство с тем, чего он лишился, еще не дает понятия об опустошениях, произведенных временем, какое мы получим, рассмотрев, в каком состоянии находились остатки этого строя.

Муниципальные учреждения, создавшие в XIII и XIV вв. из главнейших немецких городов богатые и просвещенные маленькие республики³, еще существуют в XVIII в.; но это лишь тень прошлого. Их предписания как будто сохраняют силу; должности, установленные ими, носят прежние названия и, по-видимому, выполняют прежние функции; но деятельность, энергия, общинный патриотизм – мужественные и плодотворные качества, которые они внушали раньше, – исчезли. Эти старые учреждения как бы разложились внутренне, сохранив внешнюю стройность.

Все те политические силы Средних веков, которые еще существуют, поражены той же болезнью: все они обнаруживают одинаковое истощение и одинаковую вялость. Мало того, все, что, не принадлежа, собственно, к учреждениям этой эпохи, было с ними связано и сохранило на себе сколько-нибудь живой отпечаток их, тотчас же теряет свою жизненность. Их прикосновение заражает аристократию старческой немощью. Даже политическая свобода, наполнившая все Средние века своими созданиями, кажется пораженной бесплодием повсюду, где она удержала своеобразные черты, сообщенные ей Средними веками. Там, где провинциальные собрания сохранили в неизменном виде свое старое устройство, они скорее задерживают поступательное движение цивилизации, чем способствуют ему; в них сказываются какое-то отчуждение и как бы непроницаемость для нового духа времени. И от того симпатии народа ускользают от них и начинают тяготеть к государям. древность этих учреждений не внушает к ним почтения; напротив, старея, они с каждым днем все больше подрывают доверие к себе; и – странное дело! – они возбуждают тем более ненависти, чем безвреднее становятся в своем упадке. «Существующий порядок вещей, – говорит один немецкий писатель, современник и друг этого Старого порядка, – кажется, всех вообще оскорбляет, а иногда вызывает и презрение. Странно видеть, как немилостиво судят теперь обо всем, что старо. Новые впечатления проникают даже в недра наших семей и возмущают в них порядок. Наши хозяйки – и те не хотят более терпеть старую мебель». Между тем в это же время в Германии, как и во Франции, общество было очень деятельно, и благосостояние его постоянно возрастало. Но заметьте хорошенько, – эта черта дополняет картину: все, что живет, действует, производит, все это, по своему происхождению, ново, и не только ново, но даже противоположно прежнему.

Уже королевская власть не имеет ничего общего с королевской властью средневековой эпохи: она обладает другими полномочиями, занимает другое место, проникнута иным духом, внушает иные чувства; на развалинах местных властей повсюду утверждается государственная администрация; чиновническая иерархия все более вытесняет управление дворян. Все эти новые политические силы употребляют приемы, следуют принципам, которые были незнакомы людям Средних веков или отвергались ими и которые действительно принадлежат общественному строю, о каком те даже понятия не имели.

То же самое относится и к Англии, где, на первый взгляд, старые учреждения Европы еще сохранили свою прежнюю силу. Если мы забудем старые названия и отстраним старые формы, мы найдем, что уже в XVII в. феодальная система там уничтожена в своем основании, что классы смешиваются, отличия дворянства сглажены, аристократия потеряла свою замкнутость, богатство сделалось силой; найдем равенство всех перед законом, равенство государственных повинностей, свободу печати, публичность прений, – все новые принципы, которых не знало средневековое общество. Именно эти новые начала, с искусной постепенностью введенные в старое тело, оживили его, не подвергая его опасности распада и наполняя его свежей силой, оставив ему старые формы. Англия XVII в. – страна уже совершенно новая, которая только сберегла в своих недрах, как бы набальзамированными, несколько обломков Средних веков.

Бросить быстрый взгляд за пределы Франции было необходимо для того, чтобы облегчить понимание всего последующего; потому что кто изучил и видел только Францию, тот – скажу смело – никогда ничего не поймет во французской Революции.

Глава 5

Что, собственно, сделала французская Революция

Все предшествующее имело единственной целью осветить предмет и облегчить разрешение вопроса, поставленного мной в самом начале: что было действительным предметом Революции? Каков, наконец, ее истинный характер? Для чего именно она была произведена? Что было ею сделано?

Революция была произведена вовсе не с целью разрушить, как это думали, господство религиозных верований; вопреки внешности, она существенным образом была революцией общественной и политической; и в кругу учреждений этого последнего рода она вовсе не стремилась навсегда ввести беспорядок, сделать его постоянным, обратить анархию в общее правило, как выражался один из главных противников Революции: напротив, она заботилась об увеличении могущества и прав государственной власти. Она не должна была ни изменить характер, какой наша цивилизация имела до того времени, и остановить ее развитие, как это думали иные, ни даже существенным образом затронуть какой-либо из главнейших законов, на которых покоятся человеческие общества у нас, на Западе. Освободив ее от всех случайных придатков, временно изменявших ее физиономию в различные эпохи и в разных странах, и рассматривая ее исключительно в самой себе, мы ясно увидим, что результатом этой Революции была только отмена тех политических учреждений, которые в течение многих веков нераздельно господствовали в среде большинства европейских народов и обыкновенно обозначаются названием феодальных учреждений, и водворение на их место более однообразного и простого, и политического, и общественного порядка, основанного на равенстве сословий.

Этого было достаточно, чтобы создать громадный переворот; потому что древние учреждения не только все еще были перемешаны и как бы сплетены со всеми религиозными и политическими законами Европы, но, независимо от этого, они внушали множество как бы сросшихся с ними идей, чувствований, привычек и нравов. Требовался судорожный порыв, чтобы разрушить и сразу извлечь из общественного организма часть, которая так крепко была связана со всеми его органами. Оттого Революция представлялась современникам еще более огромной, чем какой она была в действительности; казалось, что она разрушает все; потому что то, что она разрушала, соприкасалось со всем остальным и в известном смысле составляло с ним одно тело.

Как ни радикальна была Революция, но она ввела гораздо меньше нового, чем предполагают обыкновенно: я покажу это позднее. Справедливо можно сказать о ней, что она целиком разрушила или теперь разрушает (потому то она еще продолжается) все то, что в старом обществе вытекало из аристократических и феодальных учреждений, что так или иначе связывалось с ними, что в какой бы то ни было степени носило на себе *малейший* их отпечаток. Из всего старого мира она сохранила только то, что всегда было чуждо этим учреждениям и могло существовать без них. Всего менее Революция была событием внезапным. Правда, мир был застигнут ею врасплох; но тем не менее она была лишь завершением более продолжительной работы, стремительным и бурным окончанием дела, над которым трудились десять человеческих поколений. Если бы она не имела места, старое общественное здание все-таки пало бы повсюду, здесь раньше, там позднее; оно только продолжало бы распадаться постепенно, камень за камнем, вместо того чтобы рухнуть сразу. Революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собой. Вот что она сделала.

Поразительно то, что это обстоятельство, кажущееся теперь таким ясным, долго оставалось запутанным и темным для проницательных умов.

«Вы желали исправить злоупотребления вашего правительства, – говорит уже упомянутый Бёрк французам, – но к чему нововведения? Почему не возвратиться нам к вашим старым преданиям? Почему не ограничиться восстановлением ваших древних вольностей? Или, если теперь невозможно возобновить изгладившиеся черты учреждений ваших предков, почему не обратить вам взоры в нашу сторону? Здесь вы вновь нашли бы старый закон, общий всей Европе». Бёрк не замечает того, что перед глазами у него – Революция, которая именно должна уничтожить этот старый закон, общий всей Европе; он не видит, что все дело именно в этом и больше ни в чем.

Но почему эта Революция, подготовлявшаяся и угрожавшая повсюду, разразилась во Франции раньше, чем в других странах? Почему она получила у нас известные черты, которые не встречались больше нигде или обнаруживались неполно. Этот второй вопрос, несомненно, заслуживает того, чтобы быть поставленным. Его рассмотрение составит предмет последующих книг.

Книга II

Глава 1

Почему феодальные права стали ненавистны народу во Франции более, чем в других странах

Одно обстоятельство поражает нас с первого взгляда: Революция, задача которой состояла, собственно, в том, чтобы повсюду уничтожить остатки средневековых учреждений, вспыхнула не в тех странах, где эти учреждения лучше сохранились и наиболее давали чувствовать народу свою стеснительность и суровость, а, напротив, там, где народ всего меньше страдал от них; так что их иго казалось наиболее невыносимым там, где оно в действительности было наименее тяжким.

Почти ни в одной из стран Германии в конце XVIII в. крепостное право еще не было вполне отменено⁴, а в большей части ее народ оставался положительно прикрепленным к земле, так же как в Средние века⁵. Почти все солдаты, составлявшие армии Фридриха II и Марии-Терезии, были настоящими крепостными.

В большей части германских государств в 1788 г. крестьянин не в праве был покинуть поместье, и если покинет, то его можно преследовать повсюду, где бы он ни находился, и силой привести обратно. Он подчинен вотчинному суду, который следит за его частной жизнью и наказывает его за невоздержанность и за леность. Он не может ни подняться в своем положении, ни переменить занятие, ни жениться, если на то нет доброй воли его господина. Большая часть его времени должна быть посвящена на службу последнему. Несколько лет его молодости должны были протечь в дворовой службе. Барщина существует во всей своей силе и в некоторых землях может растягиваться до трех дней в неделю. Крестьянин возобновляет и ремонтирует строения, принадлежащие господину, доставляет на рынок продукты его хозяйства, возит его самого и обязан исполнять его поручения. Крепостной, впрочем, может стать земельным собственником; но его право собственности остается все-таки очень неполным. Он обязан обрабатывать свое поле определенным образом, под наблюдением господина; он не может ни отчуждать, ни закладывать его по своему усмотрению. В известных случаях его заставляют продавать продукты его собственной земли; в других случаях ему не позволяют их продавать; но обработка всегда для него обязательна. Даже наследство его не переходит полностью к его детям: часть удерживается обыкновенно господином.

Я не разыскиваю этих постановлений в древних законах: я их встречаю везде, вплоть до кодекса, приготовленного Великим Фридрихом⁶ и обнародованного его преемником в момент, непосредственно следовавший за взрывом французской Революции.

Во Франции давно уже не существовало ничего подобного: крестьянин приходил, уходил, покупал, продавал, заключал договор, работал, когда и как ему было угодно. Последние следы крепостного состояния оставались заметными только в одной или двух восточных провинциях, провинциях завоеванных; во всех других местах оно исчезло совершенно, и мало того, его исчезновение относится к настолько отдаленной эпохе, что время его отмены изгладилось из памяти людей. Ученые изыскания, предпринятые в наши дни, доказали, что начиная с XIII в. оно более не встречается в Нормандии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.